

УДК 94(470+4)“1989/1990”

Э. Г. Задорожнюк

**РЕЦИПРОКНЫЙ ХАРАКТЕР ВЗАИМОВЛИЯНИЙ
ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР И РЕВОЛЮЦИЙ 1989–1990 ГГ.
В СТРАНАХ «ВОСТОЧНОГО БЛОКА»**

В статье предпринята попытка дать ответ на двусоставный вопрос – явилась ли советская перестройка побудительной силой революций конца 1980-х – начала 1990-х в странах «восточного блока», и можно ли считать их, в свою очередь, форсирующей силой перестроечных преобразований в СССР. С опорой на понятие «реципрокность» анализируется характер связи между этими событиями, кардинально изменившими более 20 лет тому назад политическую карту Европы.

Ключевые слова: «восточный блок», перестройка, «бархатные» революции, реципрокность, региональная идентичность, центральноевропейский регион, монопартийность, социалистические федерации, этноконфликты, переходный период.

Прежде чем ответить на вопросы о характере взаимовлияний советской перестройки и революций в странах «восточного блока», зафиксируем некоторые даты. *Начало* собственно политической перестройки в СССР датируется летом 1988 г., когда обсуждались и были приняты решения XIX партийной конференции КПСС (*июнь-июль 1988 г.*); *конец* - временем распада СССР (*декабрь 1991 г.*). В рамках данного исторического промежутка фактически происходят и революционные по своему характеру процессы в странах «социалистического содружества» Европы. При этом ключевым здесь явился 1989 год, который можно назвать *срединным* между вышеприведенными датами. Тем самым хронологический диапазон, охватывающий революционные преобразования в странах региона, помещается во временном отрезке аналогичных преобразований в Советском Союзе подобно — если прибегать к метафоре - меньшей матрешке в большей.

Ретроспективный взгляд показывает: как перестроечные процессы побудили указанные страны к революционным преобразованиям, так и те, в свою очередь, оказали обратное влияние на характер процессов на родине перестройки, то есть имела место их взаимная обусловленность. Поэтому и весь переходный процесс на широком пространстве от Берлина до Владивостока можно характеризовать как реципрокный.

Термин «реципрокность» (мало используемый в историографии в целом и почти не применяемый в российской исторической науке) означает взаимную зависимость, когда причина и следствие меняются местами. Его можно трактовать и как равенство воздействий по их последствиям. Представляется, что с его помощью можно точнее определить ход и сущностные признаки вышеуказанных революций на всем пространстве стран «восточного блока» или европейского «социалистического содружества» (часть «мировой социалистической системы», куда, как известно входили страны Азии и Америки), естественно, с опорой на уже известные факты.

Важно выделить и параметры указанной реципрокности в историческом контексте. Они трудно поддаются однозначной фиксации, однако есть все основания считать, что ключевыми из них являются два:

- 1) устранение властной монополии одной партии,
- 2) изменения (на заключительном этапе преобразований и наряду с ними) государственного строя, причем наиболее интенсивно они проходили в странах-федерациях: СССР, СФРЮ и ЧССР.

Прямым побудителем именно революционных преобразований в европейских странах социализма стали решения первого Съезда народных депутатов СССР (*25 мая 1989 г.*). Он во многом явился продолжением линии, намеченной годом ранее на упомянутой XIX партийной конференции. Именно на нем была поставлена проблема неизбежности реформ политической системы в СССР. В ходе их реализации стала формироваться институционально оформленная оппозиция, последовательно раскалывавшая и руководство КПСС.

В странах же «социалистического содружества» представители такой оппозиции как *внутри* правящей партии (Венгрия), так и *вне* ее (Польша) примерно с этого времени (то есть с *весны 1989 г.*), начали интенсивнее претендовать на значительную долю властных полномочий. На них, в свою очередь, ориентировались и оппозиционеры в реформировавшемся СССР. Более того, часть руководства Коммунистической партии Советского Союза (и в первую очередь ее руководитель М. С. Горбачев) с курсом на реформы принципиально соглашалась, не просчитывая при этом их последствий.

Естественно, что приемлемость линии на политические реформы (из Кремля холодом, если вспомнить известное выражение З. Млынаржа, почти не веяло) послужила уже *вторым сигналом* резкой интенсификации деятельности оппозиции в социалистических странах Европы. Как раз поэтому можно говорить именно о реципрокном характере связи между переменами во всем европейском «социалистическом содружестве» и о едином векторе их направленности.

В *июне 1989 г.* как результат начавшихся в апреле переговоров за круглым столом прошли выборы на альтернативной основе в *Польше*, принесшие победу «Солидарности». Они фактически послужили

началом волны коренных преобразований в странах региона, проходивших в основном с севера на юг. Формы их реализации были различны, но вектор - одинаков.

В Венгрии с 22 марта по 18 сентября состоялись раунды переговоров между Венгерской социалистической рабочей партией и объединенной оппозицией, определившие эволюционный путь смены власти. Просоветские силы ушли в отставку, а 23 октября вместо Венгерской народной республики была провозглашена Венгерская Республика, как бы продублировав превращение Венгерской социалистической рабочей партии в Венгерскую социалистическую партию с достаточно четко очерченной социал-демократической программой (элиминация этих двух определений – «рабочая» и «народная» - весьма примечательно, и нельзя сказать, что оно спокойно воспринималось значительной частью населения страны; похожие процессы проходили в партиях и государствах и других стран региона).

9 ноября обрушилась Берлинская стена, а вслед за этим рухнули и прежние властные структуры в ГДР. Не прошло и года, как 3 октября 1990 г. оба немецкие государства стали едиными. Следует отметить, что сложнейшая проблема трансформаций ГДР вплоть до настоящего времени как бы затерялась в исследовательском поле, по крайней мере, российских специалистов: доминирующий постулат безальтернативности ее вхождения в состав ФРГ скрывает многие сложности и противоречия. Например, факт полного игнорирования заверений западных участников переговоров по германскому вопросу относительно того, что вслед за объединением Германии последует трансформация как Организации Варшавского договора (ОВД), так и блока НАТО.

Подобной позиции придерживался тогда, в частности, и В. Гавел, заявивший во время беседы с М.С. Горбачевым 26 февраля 1990 г. в Москве: «Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского договора и НАТО... Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности. Словом, надо поставить точку под второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР» [1, с.66].

17 ноября началась «бархатная» революция в Чехословакии, ход и результаты которой освещены с должной полнотой. Данный термин, по утверждению английского политического аналитика и журналиста Т.Г. Эша, был введен уже в ходе ноябрьских событий 1989 года, начавшихся мощной студенческой демонстрацией. Эш обозначал данным термином «мирное театрализованное, переговорное изменение режима в небольших центральноевропейских государствах», а сам термин ввели его западные коллеги. Лишь после этого он был подхвачен В. Гавелом и словацкими оппозиционными лидерами, прибегавшими также и к почти синонимическому термину «нежная» [2]. «Бархатная» революция сегодня трактуется в узком смысле - применительно к 10-дневным событиям ноября 1989 года в Чехословакии, но ее можно применять и в более широком контексте, характеризуя изменения этого года в остальных странах восточноевропейского региона, ставшего в итоге Центральной Европой [3].

В Болгарии в ноябре этого же года на пленуме ЦК Болгарской коммунистической партии началось вытеснение, а затем и отставка Т. Живкова со всех высших постов. 18 ноября в центре Софии состоялся 100-тысячный митинг оппозиции, вслед за чем в Болгарии восстановились большинство довоенных политических партий.

22 декабря 1989 г. восставший народ сверг режим Н. Чаушеску в Румынии, но здесь не обошлось без кровопролития. К власти пришел блок партий входивших в Совет Фронта национального спасения, а с 29 декабря Социалистическая республика Румыния стала именоваться Румынией. В указанной стране не удалось обойтись без кровопролития. Более того, согласно последним заявлениям лидера тогдашнего Фронта национального спасения экс-коммуниста И. Илиеску, нужно было прибегнуть «к чрезвычайному революционному суду над четой Чаушеску. Действительно, после их расстрела 25 декабря стрельба сразу прекратилась». По его утверждению, США заявили, что «не имели бы ничего против военного вмешательства СССР в Румынию с целью наведения там порядка», однако руководство СССР сохранило свою принципиальную политику невмешательства в дела социалистических стран [4].

Наконец, начиная с весны 1990 г. постоянно терпели поражение на выборах коммунисты в республиках Югославии, причем и здесь в уменьшенном масштабе наблюдалось аналогичное направление волны революционализации: с севера на юг - от Словении и Хорватии к Сербии и Македонии.

Анализ хода событий во всех этих странах полон загадок и тайн. Кто первый из пражан вынул связку ключей из кармана и начал ими греметь, побудив к такому же жесту более 300 тыс. пражан? Кем были произведены первые выстрелы в Бухаресте? Почему удалось избежать, казавшихся неизбежными кровавых столкновений с силами правопорядка в Лейпциге в октябре и в Берлине в ноябре 1989 года? В силу каких причин наблюдалась активизация молодежи в ходе революционных преобразований, причем как в странах «социалистического содружества», так и в Украине - факт отмеченный в исследовании Ю.О. Каганова [5, с.183-208,243].

Подобного рода загадок в 1989 году при взгляде «снизу» можно насчитать немало. Взгляд же на события «сверху» выявляет, со своей стороны, все больше зачастую мнимых тайн. Оба взгляда лишь двадцать лет спустя дополняются по принципу комплементарности, когда в общем видении ход событий

представляется не только через документы (партийные, государственные, оппозиционные), но и через другие источники информации (например, видеозаписи или материалы устной истории).

Следует подчеркнуть, что общая тенденция подрыва властной монополии компартий проявлялась в разных странах региона различными способами:

- в ходе диалога партии с новыми структурными силами в Польше и Чехословакии; в меньшей степени эта тенденция проявилась в Болгарии;
- в ходе дифференциации самой партии и выделения в ней тех направлений, которые затем имели тенденцию превратиться в партии оппозиционные в Венгрии;
- в ходе распада партии по национальному признаку в Югославии; наконец, в ходе активного свержения власти партии (Румыния и в меньшей мере в ГДР и в Албании) [1; 6].

В целом – с учетом параметра реципрокности – можно утверждать следующее: после восприятия импульсов к политическим преобразованиям, идущих из СССР, указанными странами были представлены некоторые сценарии возможного решения проблемы монопартийности уже и для СССР. И дальнейшие преобразования на родине перестройки как раз шли по этим сценариям.

Так, по многим существенным характеристикам подрыв властных позиций Коммунистической партии Советского Союза и отмена известной шестой статьи Конституции СССР на 3-м Съезде народных депутатов (март 1990 г.) состоялись, с одной стороны, как подражание подобным событиям в разных странах Центральной Европы. С другой стороны, нельзя не признать, что разрушение КПСС изнутри как одной из наиболее мощных сил происходило ни по одному из предложенных странами региона сценариев ликвидации монопартийности. Суть заключается в том, что партия сама передала часть своей легитимности Верховному совету, скорректировав соответствующим образом и Конституцию СССР, и тем самым резко ослабила свои позиции.

Такое решение в свою очередь ускорило конституционные преобразования в центральноевропейских странах, вводивших одна за другой новые высшие государственные законы.

В августе 1991 г. в СССР состоялась попытка возврата к власти антиперестроечных сил, закончившаяся неудачей. К этому времени все бывшие социалистические страны западнее Бреста перестали быть таковыми и выделенный нами параметр реципрокности для характеристики политических преобразований – а именно: ликвидация монопартийности – перестал быть ключевым.

Уже в ходе проявления его значимости началось выдвижение на ведущие роли еще одного параметра – радикального преобразования государственных структур, включая распад социалистических федераций. Следует признать, что ход кризисных процессов, а затем и крушения социализма сопровождался и во многом детерминировался этноконфликтами. Впервые они показали свою силу воздействия на федеральные структуры в Югославии, которая в этом плане была самым слабым звеном социалистического содружества. При этом к движению за независимость составляющих ее республик подключались как националистически ориентированные силы, так и стремящиеся ко все большей независимости от Союза коммунистов Югославии республиканские компартии. В то же время в Сербии определились линия агрессивного национализма под лозунгами «антибюрократических революций» (явно с оглядкой на кампании, проходящие в СССР) и стремление урезать полномочия не только автономий в Косово и Воеводине (конец 1988 г.), но даже республики Босния и Герцеговина.

Дезинтеграционные процессы в СССР происходили почти одновременно: в том же конце 1988 г. народные фронты в Прибалтике начали ставить вопрос о необходимости выхода Латвии, Литвы и Эстонии из состава СССР, а 9 апреля 1989 г. Народный фронт Грузии организовал массовую демонстрацию, которая была разогнана с применением вооруженной силы. Ранее кровавые стычки происходили внутри отдельных республик (Фергана) и между ними (Карабах), но их удавалось замораживать.

Такого рода конфликты подрывали те партийные структуры, которые могли бы их сдерживать. В итоге начался «парад суверенитетов»: в начале сентября 1991 г. СССР признал независимость Латвии, Литвы и Эстонии, а 8 декабря было подписано Беловежское соглашение о прекращении существования СССР и образовании Содружества Независимых Государств. Тем самым в ходе нагнетания этноконфликтов и следующих за ними конституционных преобразований просматривается реципрокный характер отношений между событиями в СССР и странами Центральной Европы.

Что касается наиболее благополучной из трех федеративных социалистических республик Чехословакии, то она в 1988-1989 гг. лишь начинала ощущать подобные процессы дезинтеграции, это и проявлялось в пока еще трудно различимых разломах в рамках как государственно-партийных структур, так и оппозиционных движений.

В январе 1990 г. проходил XIV чрезвычайный съезд Союза коммунистов Югославии, ставший и последним. Словенская, а затем и хорватская делегация покинули съезд, поскольку не были удовлетворены их требования о реорганизации партии на конфедеративных началах. Именно в Югославии был запущен впервые на территории от Берлина (точнее было бы говорить после 3 октября 1990 г. – времени провозглашения единой Германии – от Праги) до Владивостока алгоритм распада федераций.

Вскоре стало ясно, что это только первый шаг на пути к распаду единого государства, при этом этнические процессы детерминировали партийные разногласия и в свою очередь усиливались ими. 2 июля 1990 г. в Словении была принята Декларация республики о независимости, 23 декабря 1990 г. прошел плебисцит, на котором 88,5% населения высказалось за отделение от Югославии, а 12 июня 1991 г. Скупщина республики приняла Декларацию о независимости и суверенитете страны. С небольшим

опозданием за ней следовала Хорватия. 17 ноября 1991 г. приняла конституцию, предполагавшую полную независимость, Македония. 6 апреля 1992 г. была признана независимость Боснии и Герцеговины, а 27 апреля 1992 г. Сербия и Черногория заявили о своем континуитете со статусом Социалистической Федеративной Республики Югославия и создали Союзную Республику Югославию.

Все эти процессы сопровождались появлением самопровозглашенных и не признаваемых мировым сообществом (вплоть до утверждения независимости Косово уже в новом столетии) государств. Разбираться в эволюции этих 5 образований - дело непростое. В оценке же современной ситуации хотелось бы привести метафору из своей рецензии на книгу о Юго-Восточном (Балканском) субрегионе Центральной Европы: всегда находятся силы, которым выгодно, чтобы на юге Европы как на кухонной плите размещалась одна или несколько кастрюль с кипящим бульоном, которые можно вылить под ноги дальним и ближним соседям с самым неподходящим момент [см.: 7].

Независимость этих, а в дальнейшем и других государств на территории Югославии была признана практически сразу странами Европы (включая те, где происходил и обратный процесс - соединение двух германских государств 3 октября 1990 г. - с апелляцией к аргументам этнической консолидации).

Алгоритм распада и других социалистических федераций шел по следующим пунктам: возникновение и мощное усиление этнокультурных движений - дифференциация внутри правящей партии по национальному признаку - ориентации на «свою» государственность республик, составляющих союз или федерацию. При этом, казалось бы, второстепенные детали (претензии на «всего лишь» культурную автономию этнических групп в Югославии, во многом демагогические констатации о завышенном «вкладе» той или иной союзной республики в общий их союз в СССР, даже казавшаяся порой незначительной «борьба за дефис» в Чехословакии) приобретали первостепенное значение в качестве дифференцирующих признаков.

Следующим этапом действия указанного алгоритма распада стал СССР, и зафиксировать действие параметра реципрокности в этом процессе достаточно легко. Естественно, что опыт Югославии в той или иной мере, прямо или косвенно, учитывался - а он характеризовался кровавыми военными столкновениями, этническими чистками, попытками установления тоталитарных режимов, образованием непризнанных республик.

На мой взгляд, он учитывался в первую очередь с целью недопущения кровавых конфликтов, которых на территории бывшего СССР все же не удалось избежать. Ведь и там, и здесь они подобно пожару в торфянике: огня на поверхности не видно, а его вспышки возникают неожиданно и в самых разных местах. Мониторинг их течения и оценка результатов в странах Содружества независимых государств - еще более трудная задача, чем отслеживание ситуации в странах - республиках бывшей Югославии (там многие процессы можно списывать на происки «внешних сил»).

Как все это преломилось в условиях СССР в промежутке между 1989 и августом 1991 г.? Парадокс заключается в том, что наружу выплыли конфликты, принципиально не прогнозируемой интенсивности. Фергана и Сумгаит показали, что выбросы энергии национального протеста не подвержены ни прогнозу, ни устоявшимся формам регуляции. В то же время резко интенсифицировались процессы государственного строительства на новой основе в республиках Прибалтики.

И по данному признаку можно утверждать, что этнические конфликты и последующие разломы у границ между республиками и даже внутри республик в ходе осуществления алгоритма распада шли по особому сценарию. Даже наиболее похожие ситуации в Югославии не могут служить здесь примером, хотя и там нашлись силы, которые стремились извлечь максимальное преимущество из распада государства. В СССР распад прошел с максимальной толерантностью, несмотря на то, что издержки его были куда большими.

Что касается Чехословакии, то алгоритм ее «бархатного» распада проходило скорее вследствие действий зачастую провокативного и манипулятивного характера политических элит в Чехии и Словакии, чем выражал волю двух государствообразующих народов [подробнее см.: 8, с.137-161]. Пример Югославии хотя разнонаправленно, но достаточно четко влиял на подходы к решению этноконфликтов в СССР, но примеры этих уже двух стран *детерминировали* характер многих проявлений алгоритма распада Чехословакии. В первую очередь, на мой взгляд, в плане элиминации моментов излишней напряженности: крови при распаде этой третьей социалистической федерации так и не пролилось.

В целом же можно утверждать, что сценарий распада СССР занимает некую *среднюю* точку между югославским и чехословацким сценариями. В то же время распад всех трех государств свидетельствует об общецивилизационной тенденции активного поиска народами собственной государственности - тенденции, которой может противостоять лишь создание крупных регионов: в рамках Европейского союза все же легче противостоять притязаниям баскских, североирландских и других экстремистов.

Если попытаться совместить два отмеченных в статье параметра реципрокности, то в целом создается такая картина: на севере Центральной Европы революционные преобразования чаще проходили на фоне переговорных процессов и без кровавых эксцессов. В то же время на юге региона приходилось прибегать к насильственным мерам при свержении. Примерно такая же картина складывалась и в ходе преобразований в СССР: и там процессы преобразований путем переговоров активнее наблюдались на севере и менее активно на юге.

Ранее нами выдвигалась гипотеза о *волнах стабильности* на европейском континенте [9, с.510-511,517]. В Центральной Европе она продвигается с конца 1980-х годов во многом аналогично тому, как

ранее она продвигалась в регионе Западной Европы. И ход революционных преобразований в Центральной Европе, и основные их последствия говорят, что этот подход релевантен также для Восточной Европы, которая включает страны - бывшие республики СССР.

Если исходить из концепта реципрокности, то возникает вопрос: можно ли говорить о такой волне применительно к странам Восточной Европы? По всей видимости, однозначный ответ дать достаточно сложно, даже если учесть, что после вхождения в НАТО и ЕС страны Прибалтики вошли в регион Центральной Европы.

Например, стабильность Белоруссии обеспечивается мерами, которые считаются недемократическими. Но в то же время они приемлемы для значительного большинства белорусов и даже нравятся большинству россиян.

Украина в этом плане предстает как предельно нестабильное государство, причем данная нестабильность выводится из двух источников: декларируемого стремления к демократии на поверхности и жестких войн за собственность в глубине.

Наиболее сбалансированно вышел из СССР Казахстан, но другие бывшие среднеазиатские и закавказские республики время от времени демонстрируют крайне высокий уровень нестабильности. Вряд ли нужно долго искать ее пример и в настоящее время, достаточно обратиться к ситуации в Грузии.

Сама формулировка «революции 1989 года» предполагает поиск ответа на вопрос о реципрокном характере влияния событий в СССР и европейских странах «социалистического содружества». В связи с этим можно утверждать, что как революционные преобразования в странах региона не могли начаться без изменений в СССР, так соответственно эти преобразования не могли не влиять на трансформацию СССР, приведя к краху советскую модель социализма на широком пространстве от Берлина до Владивостока.

Этот процесс сопровождался надеждами на упорядоченность отношений между государствами на более широких пространствах: от Бреста (французского, а не белорусского) до Владивостока - и даже от Ванкувера до Владивостока. Указанные надежды, например те, которые выражались в идее общеевропейского дома, оказались во многом утопическими, но они не забыты и сегодня. Поэтому импульсы, задаваемые революциями 20-летней давности, не потеряли своей силы. Более того, звучавшие тогда призывы к коренным социальным преобразованиям получают новую убедительность сегодня, когда стоит задача мобилизации усилий всех стран на преодоление охватившего мир экономического кризиса. Может быть, и такие усилия тоже будут характеризоваться параметрами реципрокности, на что укажут уже будущие исследователи.

В заключение хотелось бы подчеркнуть вывод, который следует из анализа политических событий в СССР и в странах рассматриваемого региона в конце 1980-х - начале 1990-х годов: отношения между ними носили реципрокный характер. После восприятия импульсов к политическим преобразованиям, идущих из СССР, указанные страны представили некоторые сценарии возможного решения проблемы монопартийности. В свою очередь эти сценарии переносились в СССР и в дальнейшем преобразования уже здесь шли в соответствии с ними.

Итогом явилась *системная трансформация всех европейских стран*, входивших в то, что именовалось «восточным блоком» или «социалистическим содружеством». Парадоксально, но в результате собственно социалистическая составляющая, по крайней мере на уровне политических структур, в большей мере воспроизвелась в странах региона Центральной Европы - по сравнению со странами Восточной Европы и особенно России.

Однако это тема уже другой статьи. Представляется, однако, что и для ее разработки могут понадобиться выделенные нами параметры реципрокности.

Источники и литература

1. Революции 1989 года в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Взгляд через десятилетие. - М., 2000.
2. Ash T.G. Velvet Revolution: The Prospects // New York Times Review of Books. - 2009. - №19. - December 3 (История чехословацкого оппозиционного движения, представители которого приняли самое активное участие в подготовке и осуществлении «бархатной» революции, изложена в книге: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 - ноябрь 1989 г.). - М., 2008.
3. Термин «Центральная Европа» переходит от статуса историко-географической метафоры к статусу геополитического понятия; им охватывается пояс государств от Балтики до Адриатики, объединенных подобием их исторических судеб и общностью перспективы. Центральноевропейский регион к концу 1990-х годов XX века четче оформился как некое геополитическое образование рядом с регионом Западная Европа и регионом страны СНГ (бывший СССР), или Восточная Европа. И в качестве такового ему присущи черты укрепляющейся новой региональной идентичности, если последнюю трактовать как «осознание принадлежности к определенному единству, как тождественность основных целей, которые осуществляются составляющими это единство народами и государствами». См.: Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран («Круглый стол») // Славяноведение. - 1997. - №3. - С. 3-27; Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. - М., 2000. - С. 140-162. См. также: Задорожнюк Э.Г. Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. - 1993. - Т.63. - №12. - С. 1103-1108; Ее же. Социал-демократия в Центральной Европе. - М., 2000; Ее же. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Россия и современный мир. - М., 2000. - №3.
4. Время новостей. - 2009. - 22 декабря.
5. Каганов Ю. Опозиційний виклик: Україна і Центрально-Східна Європа 1980-х - 1991 рр. - Запоріжжя, 2009.

6. См.: Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989-1990 гг.). – М., 1991; Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). – М., 1999; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). – М., 2001; Центральная Европа во второй половине XX века. – М., 2002. – Том 2; Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа: Вторая половина XX века. – М., 2006; История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. – М., 2007 и др.
7. Задорожнюк Э.Г. Балканский «клин»: новые вызовы или ростки стабильности // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №10.
8. Задорожнюк Э.Г., Харциева Г.Ю. Алгоритм распада // Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий). – М., 1994.
9. Россия. Планетарные процессы. – СПб., 2002.

Задорожнюк Е. Г. Реципрокний характер взаємовпливів перебудови в СРСР і революції 1989–1990 рр. в країнах “східного блоку”

У статті здійснена спроба дати відповідь на двоскладне питання – чи стала радянська перебудова спонукальною силою революцій кінця 1980-х – початку 1990-х рр. у країнах “східного блоку” та чи можна вважати їх, у свою чергу, форсуючою силою перебудовчих перетворень у СРСР. З опорою на поняття “реципрокність” аналізується характер зв'язку між цими подіями, що кардинально змінили більше 20 років тому політичну карту Європи.

Ключові слова: “східний блок”, перебудова, “оксамитові” революції, реципрокність, регіональна ідентичність, центральноєвропейський регіон, монопартійність, соціалістичні федерації, етноконфлікти, перехідний період.

Zadorozhnyuk E. G. Reciprocal character of mutual influence of Perestrojka in the USSR and the revolutions of 1989-1990 in the Eastern bloc countries

The article represents an attempt to answer a two-part question: whether the Soviet “perestrojka” had become the motivating force of revolutions in the end of 1980 – early 1990-ies in the countries of the Eastern bloc and whether it is possible to treat them, in their turn, as a forcing factor of perestrojka transformations in the USSR. Basing upon the notion “reciprocation”, the character of connection between those two events that had completely changed the political map of Europe more than 20 years ago, is being analysed.

Key words: “Eastern block, perestrojka, “velvet” revolutions, reciprocation, regional identity, Central European region, one-party system, socialistic federation, ethnic conflicts, transition period.

УДК 94:329.12(437)“1989”

Emil Voráček

WIEDERGEBURT DER POLITISCHEN LINKE IN DER TSCHECHOSLOWAKEI VOR UND WÄHREND DEM NOVEMBER 1989*

Statt Zusammenfassung:

- kann man überhaupt über die Linken in der Tschechoslowakei vor dem November 1989 sprechen?
- Öffentlich Meinung und Linke in der normalisierter Tschechoslowakei
- Andauernde kräftige soziale Empfindlichkeit und Krise der Normalisationsregime
- Nichtkommunistische Linken – Obroda, soziale Demokraten, Radikale Linken
- Reformistische Richtungen in der kommunistische Partei.
- Die links Orientierte während November 1989

Das Ziel dieser Studie besteht darin, die Konturen und die Möglichkeiten der politische Linke vor und während dem November 1989 herauszuarbeiten. Dabei werden auch Gruppen außerhalb und Strömungen im Umfeld der kommunistischen Partei untersucht. Man muß bei dieser Untersuchung berücksichtigen, daß Linke im öffentlichen Bewußtsein während des Prozesses des Systemwechsels 1989 keine herausgehobene Rolle spielten, da sie in die Opposition als Ganzes integriert waren. Nach den ersten freien Wahlen befandete sich die Linke wieder in der Opposition, diesmal zur gewählten Regierung. Dabei wurde sie sehr heterogen, vor allem setzte sich der alte „traditionelle“ Gegensatz zwischen Kommunisten und Sozialdemokraten fort. Wichtiger noch ist die Tatsache, daß heute, 16 Jahre nach der Wende die soziale Basis der Linken in der Tschechischen Republik stellt ca eine Hälfte der Population.¹ In den Meinungsumfragen erreichte die sozialdemokratische Partei hohe Werte und kam zeitweise dicht an die dort Regierungskoalition führende Demokratische Bürgerpartei (ODS) schon in 1996 heran.

* Es handelt sich um überarbeitete und vertiefte Version der Studie ursprünglich veröffentlicht in: Voráček, Emil (1996): Die Entstehung einer linken Opposition in der Tschechoslowakei vor dem November 1989. In: Dieter Segert (Hrsg.), Spätsozialismus und Parteienbildung in Osteuropa nach 1989, Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, Berlin, 1996, S. 121-146

¹ In der Parlamentwahlen in Juni 2006, haben Sozialdemokraten 74 und Kommunisten 26 Mandaten in den Abgeordneten Haus der Tschechischen Republik bekommen.